

Андрей Боголюбскій.

Суздальскій край. На сѣверо-востокъ отъ Кіева лежалъ отдаленный, пустынный Ростово-Суздальскій край. Среди лѣсовъ и болотъ здѣсь обитало мирное финское племя меря. Немногочисленное русское населеніе жило возлѣ старыхъ городовъ — Ростова и Суздаля. Прежде этотъ край былъ во владѣніи Мономаха, но передъ смертью онъ отдѣлилъ его отъ своего княжества и далъ сыну своему Юрію Долгорукому.

Съ тѣхъ поръ появилось отдѣльное, самостоятельное Суздальское княжество, и княжили тамъ Юрій, а послѣ него его сынъ Андрей, прозванный Боголюбскимъ.

Князь Андрей и родился и выросъ на сѣверѣ, въ Суздальской землѣ, не зная ни половецвъ ни княжескихъ усобицъ. Всякій другой князь только и думалъ о Кіевѣ, а Андрей до сорока лѣтъ своей жизни не видалъ матери русскихъ городовъ и не стремился къ богатому и шумному югу. Отецъ далъ ему въ управленіе маленькій новый городокъ Владимиръ на Клязьмѣ, и Андрею много было дѣла и заботъ въ своемъ княжествѣ.

Въ то время на югѣ, въ приднѣпровскихъ земляхъ, не стало житья людямъ отъ всякихъ неурядицъ, отъ княжескихъ усобицъ, отъ половецкихъ набѣговъ. Населеніе стало бросать насиженные мѣста, плодородныя земли и торговые города и искало безопасныхъ мѣстъ на сѣверѣ, въ землѣ Суздальской. Князья рады были гостямъ, ласково ихъ принимали, а иныхъ переманивали, всѣхъ устраивали на по-

ныхъ мѣстахъ, помощь деньгами оказывали и освобождали на нѣсколько лѣтъ отъ дани.

Быстро заселялась Суздальская земля, чуть не каждый годъ строились новые города, и въ числѣ ихъ въ это время появился городокъ Москва.

Борьба за Кіевъ. Отецъ Андрея, князь Юрій, не могъ, однако, среди этихъ заботъ забыть о Кіевѣ, ждалъ своей очереди и хотѣлъ умереть кіевскимъ княземъ. Когда племянникъ его (Изяславъ Мстиславичъ) не по праву завладѣлъ Кіевомъ, Юрій не стерпѣлъ обиды, пошелъ съ войсками на Кіевъ, и началась жестокая и долгая усобица, въ которой прославился храбростью сынъ его Андрей. «Своей отвагой онъ удивлялъ даже своихъ храбрыхъ противниковъ, воинственныхъ южныхъ князей, первый ударялъ на враговъ и не разъ до того забывался въ бою, что одинъ оказывался среди непріятельскаго войска; не разъ видѣлъ онъ надъ своей головой мечъ, занесенный вражеской рукой, и только чудомъ спасался каждый разъ отъ смерти». Но не искалъ Андрей воинской славы, не любилъ войны, и когда отецъ, добившись Кіева, преслѣдовалъ побѣжденнаго противника, Андрей сталъ говорить отцу: «Помирись съ племянникомъ, не губи отцовской земли». Отецъ послушался сына, но миръ продолжался недолго. Скоро племянникъ опять захватилъ Кіевъ, и Юрій плакалъ горькими слезами, не желая разставаться съ стольнымъ городомъ, а сынъ не понималъ горя отца и говорилъ ему: «Намъ теперь, батюшка, здѣсь дѣлать больше нечего; уйдемъ-ка отсюда затепло» (пока стоитъ теплая погода). Только послѣ смерти соперника Юрій окончательно овладѣлъ Кіевомъ и успѣшилъ сына Андрея посадить возлѣ себя, въ Вышгородѣ, чтобы послѣ своей смерти передать ему великое княженіе. Но суздальскому князю не понравилось на шумномъ югѣ. «Смуцался князь Андрей, — говоритъ лѣтописецъ, — видя нестронія своей братіи, племянниковъ и всѣхъ сродниковъ своихъ: вѣчно они въ мятежахъ и волненіи, все добивались великаго княженія Кіевскаго; ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ мира пѣтъ, и оттого всѣ княженія запустѣли. Скорбѣлъ объ этомъ много князь

Андрей втайнѣ сердца своего и, не сказавши отцу, рѣшили итти къ себѣ въ Ростовъ и Суздаль: тамъ де поспокойнѣй».

Возвышеніе Владимира. Въ Вышгородѣ, гдѣ княжилъ Андрей, былъ женскій монастырь, а въ немъ была прославленная чудесами икона Богородицы, привезенная изъ Царьграда и, по преданію, писанная св. евангелистомъ Лукою. Сговорившись со священникомъ и дьякономъ, Андрей ночью унесъ чудотворную икону и, взявъ съ собой соучастниковъ, тайно отъ отца ушелъ въ суздальскую землю. Благополучно пріѣхали путники на родину князя, миновали городъ Владимиръ и были уже въ десяти верстахъ отъ него, когда, говорить преданіе, кони стали, и нельзя было двинуться дальше. Переночевали на мѣстѣ, а на утро князь Андрей сказалъ, что во снѣ ему явилась Богородица и приказала на этомъ мѣстѣ соорудить церковь, а самую икону отвезти во Владимиръ. Такъ князь и сдѣлалъ: на мѣстѣ остановки построилъ онъ богатый каменный храмъ и село, которое назвали Боголюбовымъ, откуда и князь получилъ прозвище Боголюбскаго, а икону поставилъ во Владимирѣ, украсивъ ее драгоценнымъ окладомъ, на который пошло 15 фунтовъ золота, много жемчуга, драгоценныхъ камней и серебра.

Старъ Юрій умеръ, и вся суздальская земля признала Андрея своимъ княземъ, не послушавшись заповѣданія Юрія, который отказалъ ее своимъ младшимъ сыновьямъ. Андрей не далъ имъ ни одного города, даже не потерялъ ихъ въ своей землѣ и заставилъ итти въ Царьградъ. Теперь онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своей землѣ и заводилъ новые порядки, не похожіе на кіевскіе: тамъ князь дѣлалъ власть съ дружиной, а Андрей не ладилъ съ боярами и прогналъ ихъ изъ своей земли, «хотѣлъ быть самовластеецъ», говорить лѣтописецъ. По той же причинѣ не поѣхалъ онъ жить ни въ Суздаль ни въ Ростовъ — старые города, гдѣ жили по старинѣ собирались на вѣче, а съестей жить во Владимирѣ, гдѣ не въ обычаѣ были вѣчешныя сходки, и изъ него правилъ своей землей, продолжая свою строительную дѣятельность, прерванную кіевскою ус-

бицей. Со всѣхъ сторонъ приходили люди подъ защиту заботливаго князя, и не только русскіе, но и финны и болгары, и, по словамъ лѣтописи, они «предѣлы яко многими тысячами людей наполняли». Самъ князь хвалился потомъ: «Я всю Бѣлую (т.е. Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдину учинилъ». Особенно заботился Андрей о своемъ любимомъ городѣ Владимирѣ, заселилъ его «купцами хитрыми, ремесленниками и рукодѣльниками всякими», укрѣпилъ валомъ и стѣной, построилъ Золотыя ворота, много монастырей и церквей и, наконецъ, великолѣпный златоглавый соборный храмъ Успенія Богородицы. Этотъ храмъ, сохранившійся до нашего времени, построенъ былъ выписанными Андреемъ иноземными мастерами изъ бѣлаго камня, который водой привозили изъ Камской Болгаріи. Князь богато украсилъ его и снаружи и внутри, щедро одарилъ доходами, далъ ему десятину отъ стада своихъ и торгу, далъ многія села и цѣлый городъ, Гороховець. Здѣсь помѣстилъ онъ увезенную съ юга икону Богоматери, которая стала съ тѣхъ поръ называться Владимирской.

Набожный князь много времени проводилъ въ храмѣ на молитвѣ, нерѣдко по ночамъ ходилъ въ него, самъ зажигалъ свѣчи и долго молился передъ образами; много раздавалъ милостыни убогимъ, кормилъ чернецовъ и черницъ и одарялъ священниковъ.

Такъ подъ властью Андрея въ мирѣ и тишинѣ заселялась, застраивалась и богатѣла суздальская земля. Приходилось и здѣсь изрѣдка воевать съ сосѣдями, но они здѣсь не походили, однако, на страшныхъ половцевъ. Самымъ сильнымъ народомъ были камскіе болгары. Они были магометане, и Андрей считалъ войну съ ними богоугоднымъ дѣломъ. Отправившись на нихъ въ походъ, онъ взялъ съ собой Владимирскую икону, которую впереди войска несли священники подъ знаменами. Передъ боемъ князь и войско причащались св. таинъ, и походъ кончился большой удачей. Въ память этой побѣды былъ установленъ крестный ходъ на воду, до сихъ поръ совершаемый по всей Россіи 1 августа.

Запустѣніе Кіева. Любилъ князь Андрей свою суздальскую землю и не хотѣлъ ее мѣнять даже на Кіевъ, но отъ правъ на Кіевъ не хотѣлъ отказываться и оберегалъ свое старшинство. Когда, помимо него, племянникъ не по праву завладѣлъ Кіевомъ, онъ собралъ большое войско, въ которомъ было 11 князей съ ихъ дружинами, но не самъ повелъ его, а отправилъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ.

Въ 1169 году окружили суздальцы Кіевъ со всѣхъ сторонъ и три дня осаждали его. Три дня отбивались кіевляне, а потомъ говорятъ своему князю: «Что, князь, стоишь? Намъ ихъ не пересилить». Князь побѣждалъ, бросивъ даже жену и сына, а побѣдители кинулись на городъ и принялись жечь, грабить и разорять, не давая пощады ни старымъ, ни малымъ, ни монастырямъ, ни храмамъ. Два дня грабили городъ суздальцы и увезли съ собой всякое добро, въ томъ числѣ иконы, ризы и колокола. «Были тогда въ Кіевѣ стонъ и тоска, скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя». Никогда не бывало этого съ матерью русскихъ городовъ, потому что князья берегли прежде старшій городъ, добивались его, чтобы жить въ немъ, нося имя великаго князя. Но князь Андрей не поѣхалъ въ Кіевъ и теперь: сталъ называться великимъ княземъ, но жить остался во Владимірѣ, который сдѣлался теперь стольнымъ городомъ, первымъ городомъ во всей Руси. Разоренная кіевская земля по волѣ великаго князя была отдана младшимъ его родичамъ, князьямъ смоленскимъ. Однако Андрей считалъ ее своей собственностью и требовалъ отъ родичей, правившихъ его городами, полного послушанія.

Нѣкоторое время они спокойно правили кіевскими городами, но скоро не угодили великому князю, и пришелъ отъ него грозный приказъ: «Если не живете по моей волѣ, то ты, Рюрикъ, ступай вонъ изъ Кіева, а ты, Давидъ, ступай изъ Вышгорода, а ты, Мстиславъ, изъ Бѣлгорода; ступайте въ свой Смоленскъ, тамъ себѣ дѣлитесь, какъ знаете».

Осудился братья, въ особенности младшій Мстиславъ, котораго Андрей совѣмъ грозилъ изгнать изъ русской земли. Мстиславъ остригъ голову и бороду послу Андрееву и отослалъ со слѣдующими словами: «Ступай къ своему

князю и скажи: мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ и любили; теперъ ты прислалъ къ намъ такія рѣчи, что считаешь насъ не князьями, а подручниками, простыми людьми, такъ дѣлай, что знаешь, а насъ Богъ разсудить». Увидѣвъ остриженнаго посла, Андрей пришелъ въ ярость, собралъ большое войско и послалъ его на непослушныхъ князей. На этотъ разъ суздальцевъ постигла неудача, не пришлось Андрею наказать родичей. «Такъ-то, — говоритъ лѣтописецъ, — князь Андрей какой умникъ былъ во всѣхъ дѣлахъ, а погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ: распалился гнѣвомъ, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьяволъ вселяетъ въ сердце человѣка».

Самовластіе Андрея. Не одни князья жаловались на гордость Андрея; съ лѣтами князь становился все суровѣе, и въ послѣдніе годы его жизни пошли неурядки въ суздальской землѣ, и много было недовольныхъ. Князь хотѣлъ быть самовластцемъ и боярина считалъ такимъ же подданнымъ, какъ и простого человѣка, считалъ себя въ правѣ казнить непослушныхъ бояръ. Изгнавъ братьевъ и бояръ старшихъ, онъ безъ разбора окружалъ себя людьми, часто недостойными, сталъ довѣряться имъ во всемъ, а они обманывали князя: самъ князь разсылалъ пицу и питье всѣмъ больнымъ и пицимъ, а его посадники и тиуны отягощали народъ поборами, творили всякія неправды и возбуждали къ себѣ ненависть народа. И пришлось Андрею заплатить своей жизнью за свой суровый нравъ, самовластіе и новые порядки.

По приказанію Андрея былъ казненъ одинъ изъ бояръ его, Кучковичъ. Тогда родственники казненнаго и другіе княжескіе слуги стали говорить: «Сегодня того казнили, завтра казнить и насъ, раздѣлаемся-ка съ княземъ». Собралось человѣкъ 20 заговорщиковъ и ворвались ночью въ княжескую палату въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ обычно жилъ князь. Княжескій ключникъ Анбаль, родомъ съ Кавказа, заранѣе унесъ мечъ святого Бориса, который князь всегда носилъ съ собою, но Андрей и безоружный, несмотря на свои 63 года, долго сопротивлялся врагамъ, пока не палъ подъ ударами мечей и копій. Умеръ князь, и некому было

позаботиться ни о князѣ ни о княжествѣ. Тѣло Андрея лежало брошеннымъ на огородѣ, а по всей землѣ суздальской пошли безпорядки: народъ бросился грабить ненавистныхъ посадниковъ и тиуновъ, а боголюбивцы разграбили даже княжескій домъ. Только черезъ 6 дней привезли князя во Владимиръ, и владимирцы, поплакавъ, похоронили его въ церкви Богородицы.

Но со смерти Андрея не погибли порядки и обычаи, заведенные имъ въ суздальской землѣ. Его наследники князя продолжали править такъ же, какъ правилъ онъ, княжеская власть росла, княжество крѣпло и богатѣло. Мѣстные финны мало-по-малу принимали русскій языкъ и обычаи, русскіе поселенцы постепенно сливались съ ними въ одинъ народъ, который сталъ называться великорусскимъ.